

Эллинизм и христианство.

(Продолженіе).

Христиане твердо убѣждены, что Иисусъ явился не какъ призракъ или по виду, но дѣйствительно жилъ среди людей, и на какомъ основаніи можно предъявлять обвиненіе во лжи и обманѣ къ тому, кто чрезъ явленіе въ міръ пришелъ спасти людей. Такъ нѣкоторые, приводя ложныя доказательства и имѣя соотвѣтственные нравы, подобно врачамъ, произносящимъ легкомысленныя рѣчи предъ больными, увлекаются этою ложью, какъ истинной ¹⁾; что же неразумнаго въ томъ, когда возстановленію здоровья близкаго человѣка содѣйствуютъ помощью дружбы, и можно ли усматривать что либо злое въ томъ, кто такъ сильно возлюбилъ роль человѣческой, приложилъ подобныя же средства къ его выздоровленію, обычно употребляемая безъ особеннаго умысла въ случайныхъ и извѣстныхъ обстоятельствахъ. И когда человѣкъ теряетъ умъ и сообразительность, разве дурно поступаетъ Слово Божіе, когда оно возвращаетъ потерянный умъ, чтобы человѣки употребляли его на лучшія и полезныя дѣла? ²⁾.

4. *Вопросъ о эристiанскомъ пророчествѣ* ³⁾. Христиане могутъ собрать, если пожелаютъ, у Аристотеля и его постѣ-

1) Разумѣются гностики, признававшіе матерію алымъ началомъ и потому отрицавшіе реальное явленіе Христа во плоти.

2) IV, 19—1, 288, 289.

3) См. выше стр. 182.

дователей многіе отвѣты и изреченія боговъ, — отвѣты Аполлона въ Дельфахъ, и доказать ихъ сомнительность, и достигнуть этого результата было бы легко, если на основаніи Ешикура и его партіи могли бы утвердить, что и среди эллиновъ не наблюдалось недостатка въ людяхъ, отвергавшихъ отвѣты и предсказанія боговъ, какимъ удивлялась греческая земля. Но даже признавая, что всѣ отвѣты и изреченія боговъ — не выдумки обманщиковъ и могутъ быть признаны за изреченія богодухновенныхъ мужей, должно изслѣдовать, дѣйствительно-ли люди, съ полной увѣренностью приписывающіе предсказанія богамъ, не заблуждаются? Таковы знаменитѣйшіе отвѣты Пифіи, гдѣ духъ предсказанія проходитъ чрезъ чрево ея, когда она садится на устье кастальскаго (рѣка на Парнасъ) источника и здѣсь предлагаетъ божественные отвѣты всѣмъ вопрошающимъ. Должно обсудить, самое мѣсто избранное для пророчества не указываетъ-ли на нечистый и оскверненный умъ этого духа? Онъ долженъ проходить чрезъ нѣжные и невидимые проходы человѣческаго тѣла и, будучи чище всякой женской утробы, возбуждаетъ въ душѣ пророческій даръ, который по этимъ причинамъ не должно созерцать мудрому человѣку, не говорить о немъ и не касаться его, и оно повторяетъ этотъ путь одинъ—два раза, не болѣе. Но онъ продолжаетъ движеніе столько разъ, какъ только Пифія одухотворяется Аполлономъ, чтобы она могла пророчествовать, при чемъ принимающій пророчество выходитъ изъ себя и бѣснуется — признакъ, показывающій, что это не можетъ быть дѣйствіемъ Бога. Человѣкъ, увлеченный Духомъ Божіимъ, долженъ сначала въ самомъ себѣ ощутить силу этого дара прежде, чѣмъ испытаютъ ее другіе, спрашивающіе Бога о предметахъ общественныхъ или гражданскихъ, здоровьи, торговлѣ, образѣ жизни, и среди нихъ нѣтъ ни одного разумнаго человѣка, который бы владѣлъ достаточнымъ разумомъ и вообразилъ бы, какъ если бы духъ сплзшелъ на него ¹⁾.

Народія пророчества, нарисованная Цельсомъ 2).

Въ пророкахъ или Самъ Высочайшій Богъ выводится говорящимъ, или Сынъ, или Духъ, провѣщали свою волю,

¹⁾ IV, 19.

²⁾ См. выше, стр. 183, 189.

утверждали и осуществляли ее. Пророки увѣщевали людей къ покаянію, провозвѣщали будущія событія, и потому люди, жившіе въ ихъ времена, записали ихъ рѣчи, чтобы потомки ихъ, когда они будутъ читать эти рѣчи, удивлялись божественному ученію и внѣшнему выраженію его и не только почерпали въ нихъ наставленія и предупрежденія, но и пророчества, божественное происхожденіе которыхъ доказывается исполненіемъ ихъ на дѣлѣ, употребляли къ своей пользѣ, сообразуя свое поведеніе съ наставленіями и послушаніемъ закону. Вслѣдствіе этого и заповѣди, и наставленія, служащая къ улучшенію жизни ихъ читателей, по повелѣнію Божію изложены ясно и свободно безъ всякой темноты, чтобы были доступны и простымъ людямъ. Напротивъ то, что полно тайны и труда, но понимается, то законъ и пророки выразили въ загадкахъ и подобіяхъ, загадочныхъ оборотахъ и образахъ рѣчи, чтобы читатели не утрачивались никакой работы и движимые любовью къ истинѣ и добродѣтели не боялись никакихъ работъ и охотно предприняли всѣ старанія изслѣдовать и изыскать все, что сказано неяснаго въ законѣ и пророкахъ и употребить сообразно указанію разума. Цельсъ ненавидитъ пророчество и цезорить его словами: „всѣ эти предостереженія и увѣщанія выражались въ рѣчахъ, которыхъ никто уразумѣть не могъ. Цельсу нужно напомнить о пророкѣ, давшемъ о Цельсѣ по подобнымъ ему людямъ такое предсказаніе: „откуда пришесть къ тебѣ этотъ бѣшенный (2 Цар. 9, 10)?—Положимъ, что какое либо событіе предсказано Богомъ, должно ли необходимо вѣрить, что это событіе несомнѣнно совершится, если истинный пророкъ возвѣстилъ о немъ 1)? Здѣсь заключеніе не правильное, такъ какъ оно при выведеніи слѣдствій приводитъ къ противоположнымъ результатамъ. Если вѣрно, что истинный пророкъ провозвѣстилъ отъ истиннаго Бога, что Сынъ придетъ въ видѣ раба, сдѣлается больнымъ и даже умретъ, то Богъ долженъ былъ допустить всѣ эти событія, такъ невозможно предположить, что истинный пророкъ могъ говорить ложь. Прилагая къ дѣлу установленный выше логическій принципъ, Оригенъ разсуждаетъ: основаніе спорнаго

1) См. выше стр. 183, 185.

вопроса таково: пророки провозвѣстили, что великій Богъ станетъ рабомъ, подпадетъ болѣзни и даже умретъ; по указанному выше логическому методу вытекаетъ такое слѣдствіе: пророки никогда такихъ вещей и не предвѣщали. Принципъ, лежавшій въ основаніи такихъ логическихъ приѣмовъ, выражался въ слѣдующемъ тезисѣ: если первая изъ двухъ вещей истинна, то вторая не истинна, и потому первая неистинна. Стойки для изъясненія этого способа заключенія давали слѣдующій примѣръ: „Знаешь, что ты умеръ, значитъ ты мертвъ, знаешь, что ты мертвъ, тогда ты не умеръ, такъ какъ ты не знаешь, дѣйствительно ли ты умеръ? Или наоборотъ: знаешь ты, что не умеръ, значитъ ты не умеръ, знаешь ты, что не умеръ, тогда ты мертвъ, такъ какъ ты дѣйствительно не знаешь, что ты не умеръ“. Таковъ недостатокъ аргументаціи Цельса).—Подвергая критическому обзору предъявленные Цельсомъ обвиненія о противорѣчии предсказанія Моисея съ ученіемъ Иисуса изъ Назарета, Оригенъ всѣми старается подобрать какія—нибудь аналогию, напоминающія проповѣдь Христа. Отношеніе къ богатымъ: „много скорбей у праведнаго и избавитъ отъ всѣхъ скорбей его Господь (Ис. 31, 20)“. Большею близостью къ поставленному вопросу стоитъ изреченіе взятое изъ притчей Соломона: „Богатый выкушаетъ жизнь, а бѣдный не слышитъ угрозы, гдѣ наблюдается порицаніе богатства и высокомерное отношеніе къ бѣднымъ (Прит. XIII, 8)“. „Посмотрите на лиліи (Мѡ. 6, 25, 26; Лк. 12, 24)“—парадлель: „Добрый оставляетъ наслѣдство для внуковъ, а богатство грѣшника собирается для праведнаго (Притч. Сол. XIII, 23)“. Ударъ по ланитѣ (Мѡ. 5, 32)—удачнѣе: „и подставляй ланиту біющему тебя, пресыщаясь поношеніемъ (Плачъ Іер. III, 30)“. Впрочемъ самъ Оригенъ сознается, что онъ нашелъ мало матеріала объ отношеніи закона, даннаго іудеямъ, къ тому, что наблюдается теперь у христіанъ въ ученіи Иисуса ²⁾.

О Трофоніи, Амфіаріи и Монсѣ Цельсъ утверждаетъ ³⁾, что они всегда позволяютъ видѣть себя въ человѣческомъ тѣлѣ и вопліи открываютъ этотъ видъ безъ всякаго обмана

¹⁾ VII, 15—II, 165, 166.

²⁾ VII, 21—24—11, 172—175.

³⁾ Ср. выше, стр. 177.

и не только въ своемъ прошедшемъ, но и настоящемъ давая понять, что Иисусъ явился по воскресеніи какъ призракъ своимъ ученикамъ, глаза которыхъ, такъ сказать, устремлены въ прошедшее, чтобы обмануть зрителей, что Иисусъ совершилъ великія чудеса послѣ своего явленія. Но нужно обратить вниманіе на то, сколько ученики Его обратили къ Его ученію душъ, могли переубѣдить людей все свое поведеніе устроить по волѣ Божіей и жить, во всемъ отдавая отчетъ Господу. Возможно ли предполагать, что призракъ имѣлъ столько силы, чтобы при посредствѣ его изгонялись злые духи и совершались другія чудеса. Христіане проклинаятъ боговъ, открывающихся предъ взоромъ всякаго и взываютъ не къ призраку и не къ идолу, а къ умершему, несчастнѣйшему, чѣмъ всѣ идолы (Цельсъ).—Такіе искусственные обороты рѣчи имѣютъ свою пользу, когда нравы и обычаи тѣхъ, къ кому направляется рѣчь, извѣстны въ ихъ правильномъ видѣ. Напротивъ, было бы безразсудствомъ, когда выступаютъ противъ кого нибудь и влагаютъ въ уста рѣчи, не соотвѣтствующія лицамъ и обстоятельствамъ. Допустимъ, что какой-либо варваръ, или невѣжа, или рабъ, которые совершенно не вѣдаютъ философіи, позволили говорить себѣ, какъ философы, тогда должно сказать, что составители рѣчей неопытны въ философіи и не могли многое усвоить изъ нея. Допустимъ, наконецъ, что нѣкоторые, опытные въ божественныхъ вещахъ люди дозволили себѣ говорить языкомъ обычнаго человѣка, движимаго страстями и живущаго въ невѣжествѣ, то кто былъ бы этимъ доволенъ? Гомеръ наслѣдовалъ большую честь у эллиновъ за то, что никогда то расположеніе, какое онъ съ самаго начала питалъ къ своимъ героямъ Нестору, Одиссею, Телемаху, Пенелопѣ не измѣнялъ, но всегда обсуждалъ одинаковымъ образомъ. Еврипидъ же былъ осмѣянъ въ комедіи Аристофана и на сценѣ названъ былъ бессмысленнымъ глумцомъ, такъ какъ онъ ученіе Анаксагора и другихъ мудрыхъ людей вложилъ въ уста варварскихъ женщинъ и бѣдныхъ рабовъ ¹⁾).

3) *Аксатология христіанъ.*

¹⁾ VII, 36—11. 186, 187.

— Христиане учать ¹⁾: какъ мы можемъ познавать Бога? если Онъ не даетъ Себя знать посредствомъ чувствъ? И какое посредство дано для приобрѣтенія познанія, кромѣ чувства?—Это голосъ не челоуѣка, не души, а голосъ плоти. Несравненно дальше были бы они на пути познанія истины если бы взяли себѣ въ примѣръ Геркулеса, Эскулапа, Анаксаркса и Епиктета (Цельса).—Можно ли почитать Геркулеса за бога, удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ нѣкоторыя данныя изъ его жизни; не говоря о позорной работѣ его у Омфалы, достаточно указать на другое событіе его жизни, когда онъ похитилъ быка у крестьянина и съѣлъ на его глазахъ, причемъ крестьянинъ подвергалъ его проклятіямъ и ругани. Говорятъ, что по поводу этого случая былъ построенъ алтарь Геркулесу на мѣстѣ похищенія быковъ, на которомъ ежегодно Геркулесу приносилась жертва, сопровождаемая проклятіями и ругательствами по его адресу ²⁾. И что достойнаго объявилъ Орфей, стяжавшій славу у каждаго, какъ вдохновенный отъ Бога мужъ, и жилъ ли добродѣтельно? Надо думать что лишь охота Цельса къ спорамъ и желаніе унижить Иисуса побудили его не осуждать безбожныя пѣсни и басни его о богахъ, хотя Орфей оказывался болѣе достойнымъ подвергнуться изгнанію изъ благоустроеннаго государства, чѣмъ Гомеръ, такъ какъ онъ составилъ болѣе неприличныя и позорныя разказы о богахъ, чѣмъ Гомеръ ³⁾. Возгласы Анаксаркса Оригенъ признавалъ примѣромъ единственно достойнымъ похвалы среди героевъ, о которыхъ разказываютъ эллины; его добродѣтель у всѣхъ людей вызываетъ похвалы, но всего этого еще недостаточно, чтобы признать его богомъ. Слова же, произнесенныя Епиктетомъ ⁴⁾, когда господишь

¹⁾ Ср. выше, стр. 185.

²⁾ Разказъ см. Lactantius. Div. Inst. 1, 84—85, ex. Brandt. Corp. Script. ecc. lat v. XIX.

³⁾ Орфей славился у древнихъ, какъ святой посланникъ и истолкователь боговъ, отчасти потому, что онъ научилъ людей, какими обычаями должно почитать боговъ, отчасти по той причинѣ, что онъ составилъ много пѣснопѣній въ честь боговъ; до нашего времени сохранились нѣсколько пѣснопѣній подобнаго рода, подлинность которыхъ признана наукой. Имѣлъ ли въ виду Оригенъ именно эти сохранившіеся еще пѣснопѣнія, когда онъ такъ горячо на него впадалъ—рѣшить трудно. Ср. Mosh. 791.

⁴⁾ Исторія съ Епиктетомъ, разказываемая Цельсомъ не такъ достовѣр-

подвергалъ его наказанію, не такъ важны, чтобы ихъ сравнивать съ дѣлами и словами Иисуса 1).

Развѣ страданія, понесенныя эллинами, могутъ быть сравниваемы съ тѣмъ мужественнымъ терпѣніемъ, какое показалъ Иисусъ? Молчаніе Иисуса, при всѣхъ наносимыхъ Ему ударахъ, боляхъ и біеніяхъ болѣе показали сильную крѣпость Его души и терпѣнія, чѣмъ все, что эллины рассказываютъ о своихъ герояхъ. Всѣ чудесныя событія, происшедшія при страданіяхъ Иисуса, записаны и среди нихъ молчаніе 2), когда его бичевали и побивали. Онъ упорствовалъ въ этой своей кротости и спокойствіи, когда сдѣлали Ему корону изъ тернія и дали ему вмѣсто скипетра палку 3), и среди всѣхъ этихъ оскорбленій Онъ не высказалъ никакого оскорбительнаго и гнѣвливаго слова противъ нихъ, которые такъ безбожно и нечестиво обращались съ Нимъ. Движимый великодушіемъ, Онъ молчалъ во время Своего мученичества и всю неправду, каковую причинили Ему люди, смѣявшіеся Нимъ и порочившіе Его 4), Онъ мужественно перенесъ. Какое же сходство можно находить между эллинскими героями и этой величайшей терпѣливостью, такъ ярко выразившейся въ смиреніи и полномъ молчаніи, проявленныхъ Иисусомъ при невыносимыхъ мученіяхъ? 5)

Воскресенія мертвыхъ. Цельсусъ обвиняетъ христіанъ, что Богъ, какъ огонь все сожжетъ, но онъ не понимаетъ, что по ученію христіанскому Богъ представляетъ собой все сожигающій и все очищающій элементъ. Было не мало греческихъ философовъ, учившихъ о сожженіи земли, но во что вѣровали пророки, это, быть можетъ, давно уже было извѣстно древнѣйшему народу евреевъ. Возможно, что огонь, назначенный для испытанія, служитъ подобно врачебному для діагноза. Огонь сожигаетъ, но сожигаемое не истребляется, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего подлежащаго испи-

ва, какъ думаетъ Оригенъ. Кто знаетъ, не представляетъ ли оно выдумку какого либо грека съ цѣлю возвысить своего современника. Серіозныхъ свидѣтелей исторія не даетъ, Mosh. 792.

1) VII, 54—11, 204. Ср. выше стр. 187, 188.

2) Молчаніе (Мѡ. 26, 63; Мр. 14, 61).

3) Багряница и трость. Мѡ. 28, 61. Мр. 15, 77.

4) Мѡ. 27, 30. Мр. 15, 20.

5) VII, 50—11, 204, 205.

танію. Такъ, строить-ли кто домъ на этомъ основаніи (І. Х.) изъ золота или серебра, драгоценныхъ камней, дерева, сѣна и соломы, дѣло каждаго обнаружится, и огонь испытаетъ дѣло, каково оно есть (1 Кор. 2, 11, 12). Священное писаніе говоритъ, что Богъ, какъ огонь кузнеца, и при томъ пылающій, къ которому приблизиться нельзя, сожжетъ всѣхъ собирающихся нечестіе и грѣхи изъ глубины матеріи и очиститъ огнемъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ желѣзо, цинкъ и олово (Мал. III, 2). Христіане не утверждаютъ, что Богъ, какъ поваръ, посылаетъ огонь, какъ это свидѣтельствуемъ Исаія въ словахъ: „это не такое счастье чтобы быть согрѣваемымъ огнемъ, чтобы можно было сожигать“ ¹⁾. Писаніе по понятію лучшихъ читателей обыкновенно изъ мудрыхъ намѣреній обычно печальныя и непріятныя вещи излагаетъ темно и сокращенно, чтобы ими внушить боязнь предъ страшными казнями тѣмъ, которые никоимъ образомъ не могутъ быть отвлечены отъ порочной жизни. Однако они не такъ темны, чтобы вдумчивый читатель не могъ рѣшить, дѣйствительно ли они имѣли въ виду эти страшныя казни, обѣщанныя грѣшникамъ ²⁾. „Все будетъ сожжено, и христіане останутся только невредимы, и въ томъ нѣтъ никакого чуда, что раздѣляющихъ среди христіанъ такія мнѣнія Писаніе называетъ не благородными міра сего и презираемыми. Такъ какъ міръ своею мудростью не позналъ Бога, то Богъ избралъ немудрое чтобы посрамить мудрое (1 Кор. 21, 27). Этотъ родъ людей не можетъ постигнуть смысла писаній и не даетъ никакого труда понять, дѣйствительно-ли Иисусъ повелѣлъ послѣдовать писанію (Іоан. V, 39). Отсюда происходитъ то, что огонь, посылаемый Богомъ на міръ, и зло, какое приносятъ онъ грѣшникамъ, они понимаютъ въ такомъ-же смыслѣ, какъ Цельсь. Возможно, что первоначальный и буквальный смыслъ историковъ, говорившій о наказаніяхъ грѣшниковъ,—тѣхъ людей, которыхъ Писаніе называетъ невѣждами, презираемыми и слабыми міра сего, имѣлъ въ виду лишь чрезъ чувственныя представленія о будущемъ судѣ отвратить ихъ отъ порока грѣховъ. Но Слово Божіе учитъ христіанъ тому, что если люди по ученію жизни

¹⁾ Ис. 47, 14—15.

²⁾ V, 15—11, 16,

и разума совершенно очистились, то Богъ не нуждается чтобы чрезъ огонь подвергнуть ихъ испытаніямъ, если-бы кто изъ нихъ и заслуживалъ ихъ, такъ какъ такія страданія возложены на нихъ изъ мудрыхъ и святыхъ намѣреній, насколько справедливость Божія изволила наложить ихъ на такихъ людей, которые созданы по образу Божію, но не такъ жили, какъ этого требовали предписаніе и природа Божественнаго образа ¹⁾).

Писаніе даетъ ясныя доказательства воскресенія человѣка въ его полномъ составѣ. „Говорю вамъ тайну: мы всѣ не умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ во мгновеніи ока при послѣдней трубѣ; мертвые воскреснутъ и мы измѣнимся и наши тѣла станутъ нетлѣнны (1 Кор. 15, 51—52)“ и въ посланіи къ Фессалонокійцамъ: „мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предваримъ умершихъ, потому что Самъ Господь при гласѣ Архангела сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ первые и потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, восхищены будемъ на облакахъ въ срѣтеніе Господа на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ (4 Фес. IV, 15, 16, 64) ²⁾“, Цельсь порочить ученіе христіанское о воскресеніи плоти, но если кто скажетъ: „какъ могутъ воскреснуть мертвые и въ какомъ тѣлѣ придутъ? Безразсудный! то что ты сѣялъ не оживетъ, если не умретъ, но если ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущаго, а голое зерно пшеничное или другое какое, но Богъ дастъ ему тѣло, какое захочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло (1 Кор. XV, 35—38).“

Христіане учатъ, что душа возвратится обратно не въ изгнившее тѣло той же природы, какую она оставила (до воскресенія изъ мертвыхъ), но какъ совсѣмъ изгнившееся зерно, которое снова сдѣлается зерномъ и выпуститъ колосья. Христіане тоже признаютъ, что для Бога не все возможно. Но подъ этимъ словомъ они понимаютъ не взаимно противоположныя вещи, ни то, что противно разуму. Они охотно могутъ утверждать вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, что Богъ не дѣлаетъ ничего враждебнаго: такъ какъ если бы Богъ совершилъ что-нибудь враждебное или противное Его при-

¹⁾ V, 16—16, 17.

²⁾ V, 17—11, 14.

родѣ, то Онъ пересталъ бы быть Богомъ; Богъ не творить ничего несообразнаго природѣ.

Если подъ терминомъ „противъ природы“ разумѣются грѣхи и пороки, то и христіане согласны съ тѣмъ, что Богъ не желаетъ ничего грѣховнаго, неразумнаго, и никто не можетъ утверждать, что все то, что произошло по совѣту Бога, противно природѣ, хотя бы рассматриваемое само по себѣ это и казалось кому-нибудь невѣроятнымъ. Удерживая единственно возможное значеніе этого слова, христіане могутъ сказать, что Богъ можетъ создавать вещи выше природы, взятой въ такомъ пониманіи ея, какое соединяетъ съ нею обычный разумъ. Богъ можетъ, напр., возвысить человѣка надъ природой и сдѣлать его участникомъ высшей и божественной природы, и Онъ можетъ удерживать его столь долго въ этомъ состояніи, насколько человѣкъ своими дѣлами и поступками желаетъ утвердиться въ этомъ состояніи ¹⁾.

Такъ христіане соглашаются и съ тѣмъ, что Богъ не можетъ дѣлать ничего такого, что для Него неприлично или неблагопрістойно, такъ какъ пересталъ бы быть Богомъ, если бы Онъ возжелалъ такихъ вещей, но они должны такъ же признать, что никто, утвердившійся чрезъ свое нечестіе въ грѣхъ или другихъ страстяхъ, не можетъ воображать, что Богъ охотно дѣлаетъ то, что Онъ можетъ дѣлать, и это должно осуществляться реально. Не страсть къ спорамъ побуждаетъ Оригена провѣрять Цельса, но только любовь къ истинѣ, и онъ признаетъ полное право за нимъ, когда онъ утверждаетъ, что первоначало и источникъ всякаго блага, а не Господь человѣческихъ страстныхъ желаній и необузданныхъ удовольствій, управляетъ природой, совершенной, упорядоченной и доброй. Христіане свободно исповѣдуютъ, что Богъ не только даетъ душамъ безсмертную жизнь, но уже далъ въ дѣйствительности. По всѣмъ этимъ основаніямъ христіане не легко могутъ принять изреченіе Гераклита, „что мертвые подобны навозу;“ навозъ и нечистота ничему не приносятъ пользы и извергаются вонъ, но съ лишенными душъ человѣческими тѣлами дѣло обстоитъ иначе, такъ какъ въ нихъ жила душа, и быть можетъ добродѣтельная, и потому хорошо воспитанные и расположенные народы, къ какимъ всег-

¹⁾ V, 18—II, 19.

да причисляютъ себя христіане, отдають знаки почести при погребеніи усопшаго. — Нѣтъ ничего безразсуднаго въ той вѣрѣ, что зерно, посѣянное въ землю, дастъ колосъ, возросшій изъ зерна, который снова произрастаетъ и станетъ бессмертнымъ. Цельсь утверждаетъ, что Богъ—высшій разумъ всѣхъ вещей, и по мнѣнію христіанъ, — это Сынъ Божій, о которомъ одинъ христіанскій мудрецъ говоритъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ былъ Словомъ (Іоан. 1, 1) ¹⁾).

6. Платонъ и Оригенъ.

Ученіе объ общемъ благѣ ¹⁾. Такъ высоко думающіе о высшемъ благѣ посѣщаютъ гавань города и поклоняются тамъ Діанѣ, какъ богинѣ, присутствуя при грубой и невѣжественной толпѣ, массаи собирающейся на праздникъ. Они много говорятъ о природѣ души, о блаженствѣ, какое люди наслаждаются послѣ смерти, и при этомъ забываютъ всѣ истины, открытыя Богомъ, и желаютъ ради нихъ приносить въ жертву Эскулапу пѣтуха ²⁾. Они созерцають невидимое существо Божіе и чрезъ разсмотрѣніе видимыхъ сотворенныхъ вещей возвышаются къ такому состоянію, гдѣ можно видѣть и познавать одинъ только духъ, и не смотря на то, они осуетились въ своихъ мысляхъ и ихъ неразумное сердце блось въ темной ночи и незнаніи предметовъ, относящихся къ Богу и почитанію Его. Ясно, что эти люди, столь много воображающіе о своей мудрости и познаніяхъ, поверглись къ ногамъ тварнаго человѣка, настолько унизились, что вмѣстѣ съ египтянами поклоняются многоногимъ птицамъ, ползающимъ животнымъ, замѣнили истину ложью и служили твари вмѣсто Творца.

Мудрые и высокоученые среди грековъ чрезъ свое заблужденіе впади въ столь позорную службу богамъ, и потому Богъ избралъ немудрыхъ, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра, чтобы посрамить сильныхъ (1 Кор. 2, 27). Находящіе основу своихъ воззрѣній въ священныхъ книгахъ во всякомъ случаѣ знаютъ, что Бога нельзя описать словами ³⁾.

¹⁾ V, 23—II, 24.

²⁾ V, 24—II, 24 ср. Phaëdo. 67, p. 118 ex rec. Hins., I, 13.

³⁾ Platonis opera ex recensione Snader, Epist. VII, t. II, p. 54. Paris 1846.

Платонъ говорить, что первое благо открывается душѣ, какъ свѣтъ, исходящій изъ огня ¹⁾. Это христіанскія книги знали еще задолго до Платона. Такъ одинъ изъ древнѣйшихъ пророковъ, жившій прежде, чѣмъ устроено было царство Кира, провозвѣстилъ „Ты, Господи, мой свѣтъ и моя помощь; кого я могу убояться (Пс. 21, 7). „Слово Твое свѣтитъ ногѣ моей и свѣтъ стези моей (Пс. 118, 105) „Увѣщайте, увѣщайте Иерусалима: скоро наступитъ ему свѣтъ (Пс. 40, 2) „Народъ ходящій во тьмѣ увидѣлъ свѣтъ великій и въ странѣ тѣни смертной возсіялъ свѣтъ (Пс. 9, 2)“. Можно уже изъ сказаннаго судить по тому вопросу, насколько ученіе Платона о высшемъ благѣ отличается отъ того, что пророки возвѣстили о свѣтѣ блаженныхъ ²⁾.

Платонъ думаетъ, что онъ ничего главнаго въ своей жизни не можетъ совершить, если онъ высшія истины сдѣлаетъ доступными пониманію обычнаго человѣка ³⁾.—Оставляя въ сторонѣ вопросъ,—зналъ-ли Платонъ болѣе высокія вещи по сравненію съ тѣми, какія изложены въ его сочиненіяхъ, Оригенъ находитъ нужнымъ указать, что христіанскіе пророки не все, что знали, излагали въ своихъ письменахъ, но многое удерживали въ своемъ разумѣ. Иезекіюлю данъ былъ книжный свитокъ съ текстомъ, написаннымъ внутри и на оборотной сторонѣ и наполненный плачемъ, стономъ и горемъ. Божественный голосъ приказалъ ему съѣсть этотъ свитокъ, чтобы содержаніе его осталось неизвѣстнымъ недостойнымъ людямъ; Іоаннъ имѣлъ подобное видѣніе и такъ же поступилъ (Ап. VII, 3). Апостоль Павель слышалъ неизреченныя глаголы, какіе ни одинъ человѣкъ не можетъ слышать (2 Кор. 12, 1). Также и Іисусъ, Который выше всѣхъ, преподавалъ своимъ ученикамъ Слово Божіе, когда Онъ удалялся отъ народа (Мр. 4, 34), однако неизвѣстно, что Онъ предлагалъ имъ, но ученики Его вѣрили, что предложенное имъ въ тайнѣ ученіе не должно сообщать ни письменно, ни устно простымъ людямъ. И потому великіе мужи, просвѣщенные благодатію Божіей, должны лучше видѣть,

¹⁾ Phaedo, с. 66, р. 118, ex rec inseh, 1, 13.

²⁾ VI, 4—II, 72—73.

³⁾ Platon, ex rec. Schneid, ibid.

чѣмъ Платонъ, что можетъ быть полезно для общаго свѣдѣнія, какимъ способомъ и формою оно должно осуществиться? Что можетъ быть предложено въ литературномъ произведеніи и о чемъ должно умолчать? Объ этомъ различіи и училъ Іоаннъ, что онъ слушалъ звуки семи громовъ, многое отъ нихъ воспринялъ, но не осмѣлился ни о чемъ писать (Ап. X, 5) ¹⁾.

Познаніе высшаго блага,—говоритъ Платонъ, доступно не многимъ, но онъ не хотѣлъ закрывать уста желающимъ изслѣдовать, что онъ такими словами хотѣлъ возвѣститъ и не повелѣвалъ вѣрить, что Богъ созданъ именно такимъ образомъ и имѣетъ Сына, который былъ посланъ и говорилъ съ нимъ ²⁾. Аристандръ рассказываетъ, что Платонъ не былъ сыномъ Аристона, а сыномъ духа, который въ видѣ Аполлона сожителемъ былъ съ Амфиктіоной, и описавшіе жизнь этого учителя рассказываютъ объ этомъ фактѣ ³⁾. И что нужно думать о Пивагорѣ, о которомъ повѣствуется столь много чудесъ: такъ однажды въ многочисленномъ собраніи онъ показывалъ слоновое бедро и сожалѣлъ, что не имѣетъ никакого щита, чтобы сокрыть его, выдавая себя за Евфорба; въ одинъ день его видѣли въ двухъ мѣстахъ ⁴⁾. И кто все, рассказанное о Сократѣ, пожелаетъ видѣть за выдуманная чудеса? Сюда нужно причислить лебедь, видѣнный во снѣ Сократомъ, при чемъ учитель, когда онъ призывалъ учениковъ въ школу, долженъ былъ взывать: „вотъ лебедь, котораго я видѣлъ во снѣ ⁵⁾“. Что нужно думать о третьемъ глазѣ, видѣнномъ Платономъ во снѣ ⁶⁾. И развѣ злобно

¹⁾ VI, 5—II, 74—75.

²⁾ Plato, *ibid.* ep. VII.

³⁾ VI, 6—II, p. 6.

⁴⁾ Ep. VII, p. 540 ex ed. ex edic. Deuinlz.

⁵⁾ Богъ Аполлонъ является отцомъ Платона и запрещаетъ Аристону прикасаться къ своей женѣ Амфиктіонѣ, когда она станетъ беременной. Аристонъ послушался бога и почиталъ свою супругу какъ богиню. Mosh. 605.

⁶⁾ О чудесахъ Пивагора рассказано въ біографіяхъ его, написанныхъ Порфиріемъ и Ямлихомъ (см. Mosh. *ibid.*). Здѣсь важно отмѣтить одно изъ его чудесъ: когда онъ пришелъ въ храмъ богини Юноны въ Миксѣ, гдѣ сохранялся щитъ Евфорба, онъ сказалъ, что этотъ щитъ онъ ранѣ носилъ. Онъ вѣрилъ, что души переходятъ изъ одного тѣла въ другое, и потому утверждалъ, что его душа во время войны троянской жила въ тѣлѣ Евфорба. Mosh. 605—607.

расположенныя души, имѣющія охоту порочить все, не найдуть здѣсь удобнаго случая, чтобы все, происходившее съ великими людьми, опорочить? Они даже демона Сократа ¹⁾ считаютъ за выдумку и подвергаютъ насмѣшкѣ. Христіане не разсказываютъ ни о какихъ выдуманныхъ чудесахъ Иисуса и у истинныхъ учениковъ Его ничего подобнаго не наблюдается ²⁾.

Платонъ указываетъ средства для достиженія истины: первое—рѣчи, второе—образъ, третье—наука. Въ качествѣ христіанскихъ параллелей Оригенъ противопоставляетъ Платону голосъ въ пустынѣ Іоанна Крестителя (Мѣ. 3. 2 сл.), называя его похожимъ на то, что Платонъ называетъ именемъ; выраженіе Іоанна Богослова, что стало плотью—это Платоновская рѣчь. Наименованіе „образъ и идолъ“ христіане считаютъ отобразомъ человѣческой души послѣ того, какъ Іисусъ, Логосъ Божій, отпечатлѣлъ черты своихъ язвъ. Можно ли четвертое, *науку*, сравнить съ мудростью совершенныхъ (ср. 1 Кор. 4, 6)? Оригенъ передаетъ этотъ вопросъ на обсужденіе разумныхъ людей. ³⁾

Христіане учатъ, что мудрость міра сего безуміе у Бога, но развѣ не говоритъ и Гераклитъ: люди судятъ не по правиламъ разума, только Богъ поступаетъ такъ; испытуемый человѣкъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ демону (проявленію Божественнаго начала въ мірѣ), какъ дитя въ отношеніи ко взрослому. (Цельсъ). — Отсюда видно, что по ученію мудрыхъ людей, дана двоякая мудрость: божественная и человѣческая. Божественная отличается отъ человѣческой тѣмъ, что божественная часть ея должна быть разсматриваема не иначе, какъ даръ Божій. Богъ даруетъ ее людямъ, подготовленнымъ и достойнымъ того, чтобы принять ее. и преимущественно умѣющимъ отличить мудрость отъ всего прочаго, и потому въ своихъ молитвахъ они го-

¹⁾ Ночью предъ тѣмъ, какъ Аристотель повелъ своего сына Платона въ школу Сократа, ему снялось, что лебедь поднялся отъ алтаря Купидона и скрылся въ его гнѣздѣ. Сократъ истолковалъ этотъ сонъ къ примѣненію къ Платону. Сонъ Платона о 3-мъ глазѣ еще легко объяснить; богъ сна хотѣлъ показать юному мужу, что ему его будущіе учителя обрѣгутъ голову и сообщать новый свѣтъ и познанія. Mosh. 606.

²⁾ IV, 8—II, 77—79.

³⁾ Plat. Ep. VII S. 540 Deubner. cit. ed.

ворятъ: твердая пища свойственна совершеннымъ, у которыхъ чувства навыкомъ приучены къ различенію добра и зла (Евр. 4, 14). Это мнѣніе очень древнее и не происходитъ, какъ говоритъ Цельсъ, отъ Платона и Гераклита. Ученіе о смиреніи заимствовано христіанами у Платона. ¹⁾ Цельсъ не знаетъ, что люди, жившіе несравненно ранѣе Платона въ своихъ молитвахъ зывали къ Богу: „не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и недостигаемое для меня. И не смирялъ ли я души моей (Пс. 100. 1. 2.)“. Изъ приведеннаго мѣста ясно, что можно быть смиреннымъ, но въ то же время и при этой смиренности не презрѣннымъ и униженнымъ, подобнымъ тѣмъ людямъ, наклоняющимъ голову, падающимъ на колѣни, облачающимся въ разорванныя одежды и посыпаящимъ голову пепломъ. Смиренные, о которыхъ говоритъ пророкъ, стремились къ большому „чудесному“, дѣйствительно становились высокими и вызывающими къ себѣ удивленіе, но въ то же время и смиряющимися подъ властной рукой Бога (1 Пет. V. 6).

Иисусъ училъ (Мѡ. 16, 24. Мр. 10, 25; Лк. 18, 25), что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное,—и Платонъ говорилъ, что невозможно быть въ одно и то же время богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скромнымъ и добродѣтельнымъ²⁾. Если бы Цельсъ былъ другъ и любитель истины, то онъ долженъ былъ бы изслѣдовать, почему это неуклюжее и толстое животное избрано для изображенія именно богатыхъ и какой смыслъ заключается въ словахъ Иисуса: „путь ведущій въ Царство небесное узокъ и тѣсенъ (Мѡ. 7, 14)“; онъ долженъ разъяснить, почему въ законѣ это животное причисляется къ нечистымъ, и обратить вниманіе на то, какъ должно понимать слова писанія объ игольныхъ ушахъ и въ какихъ случаяхъ оно упоминаетъ о нихъ. Онъ долженъ указать основаніи для того и то, когда Иисусъ, восхваляя бѣдныхъ и карая богатыхъ, имѣлъ-ли въ виду внѣшнюю или внутреннюю форму ихъ проявленія во внѣ, и всегда ли при этомъ предполагалось, что бѣдные несомнѣнно заслуживаютъ похвалу, а богатые всегда подпадаютъ

¹⁾ VII 9.—II. 79.

²⁾ Ср. De leges. IV, ed. Deubner. p. 326.

наказанію. Никакой человекъ безъ всякаго различія не будетъ восхвалять бѣдныхъ, такъ какъ среди нихъ находятся всегда много людей порочныхъ и безбожныхъ ¹⁾.

Отвѣчая на разсужденія Критона по поводу заповѣди І. Христа: „кто ударитъ тебя по ланитѣ, ты подставь ему другую (Мѣ. 10, 32 ср. Мр. 5, 39)“ ²⁾, Оригенъ руководится слѣдующими соображеніями. Цельсь здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, если онъ не можетъ отвергнуть христіанскаго ученія, то всегда предпочитаетъ грековъ, если же ученіе полезно и спасительно людямъ, то не все ли равно, находится ли оно у Платона или у какого другого изъ греческихъ мудрецовъ, у Моисея, пророковъ, въ ученіи Іисуса или Егѳ апостоловъ. Никто не можетъ воображать, что одно ученіе лучше потому, что оно написано на греческомъ языкѣ съ выработанными литературными приѣмами, въ изящныхъ выраженіяхъ, но развѣ уничтожится все достоинство сочиненія, если христіанинъ пишетъ свое сочиненіе безъ литературныхъ украшеній, простымъ и общедоступнымъ языкомъ? Между тѣмъ литературное наслѣдство, дошедшее отъ іудеевъ и сохранившееся до нашего времени, отличается красотой, свойственной еврейскому языку, и скромными выраженіями. И если кто пожелаетъ сравнить писаніе пророковъ и ученѣйшихъ среди христіанъ, то онъ найдетъ, что при всемъ томъ общемъ, что они имѣютъ общаго съ греческими писателями, ихъ сочиненія лучше и удачнѣе изложены. Это всего лучше можно понять, если сравнить литературную дѣятельность съ пищей. Представимъ себѣ сначала хорошую пищу, пригодную для того, чтобы питаться и укрѣпляться, когда она принимается; съ другой стороны пищу, приготовленную съ разнообразными приправами и пріятную для принимающихъ, которую не привыкли принимать бѣдные и земледѣльцы, откормленные въ скотскихъ дворахъ; ее вкушаютъ только богатые люди съ изысканнымъ вкусомъ, но можно вообразить себѣ такую пищу, которая пригодна не только для богатыхъ съ ихъ роскошнымъ столомъ, но и для бѣдныхъ, земледѣльцевъ и для безчисленнаго количества нуждающихся въ пищѣ для насыщенія и укрѣпленія здоровья;

¹⁾ Deubner. de Ler. I. p. 715 ex recen. Hinshi.

²⁾ VII, 59—II, 208. 202.

³⁾ См. выше стр. 171. Platon. „Crito“ ex rec. Hinshi I. X. p. 38, 39.

такая пища должна всегда существовать, и потому люди, обязанные любить всѣхъ людей, должны способствовать общему добру по возможности подобно врачу, заботящемуся о здоровіи всѣхъ людей, и быть полезнѣе міру, чѣмъ всякій другой, старающійся поддержать и спасти только нѣкоторыхъ людей. ¹⁾

Подвергая критикѣ ученіе Платона о царствіи Божіемъ, Оригенъ утверждаетъ, что христіанскіе пророки, которые также были іудейскими, ничего не могли заимствовать у Платона, такъ какъ жили несравненно раньше его. Слова „всѣ вещи окружаютъ короля міра и все создано для него и онъ причина всего ²⁾“, списаны не у Платона, такъ какъ христіане обладаютъ еще лучшими познаніями, чѣмъ Платонъ, ученіями полученными у пророковъ послѣ того, какъ Иисусъ и Его ученики объяснили христіанамъ намѣреніе духа, говорившаго чрезъ пророковъ. Платонъ не зналъ ни о чемъ превышающемъ видимое небо, но Давидъ, жившій на много лѣтъ раньше его, показалъ, какъ велико и высоко познаніе Бога, постигаемое людьми, способными возвыситься надъ всѣми видимыми и земными вещами, и въ своихъ псалмахъ воспѣлъ Бога: „хвалите Его небеса небесъ и воды, которыя превыше небесъ (Пс. 148, 8).

Очень вѣроятно, что Платонъ различныя понятія, какія онъ развивалъ въ своемъ Федрѣ, заимствовалъ у евреевъ, или какъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ, читалъ пророковъ и изъ нихъ извлекъ слѣдующія мысли,—такъ какъ никто изъ нашихъ поэтовъ не воспѣлъ еще мѣста, лежація выше всѣхъ небесъ и никто по достоинству еще не могъ воспѣть эти мѣста. — Существо, обладающее истиннымъ бытіемъ, не имѣетъ ни краски, ни формы, ни другихъ свойствъ, воспринимаемыхъ чувствами,—это одна душа и она истинно управляетъ и можетъ созерцаться не иначе, какъ глазами разума, и всѣ виды науки занимаютъ это мѣсто ³⁾. Апостоль Павелъ,

¹⁾ VI, 16—II, 86. 87. Во-первыхъ Оригенъ навязалъ ту задачу Цельсу, которую онъ самъ долженъ былъ выполнить; во-вторыхъ странно, что въ послѣднемъ пунктѣ онъ упоминаетъ только бѣдныхъ, забывая о богатыхъ, точно среди ихъ были одни безпорочные люди?

²⁾ Ер, II.

³⁾ Мѣста, цитруемые Оригеномъ изъ Федра Платона см. Hinsiach. cit. ed. 11, 713.

много занимавшійся изученіемъ пророковъ, постигъ все, что находится выше чувственныхъ и сверхнебесныхъ вещей и въ посланіи къ Коринтянамъ говоритъ такъ: „страданіе наше производить въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы не смотримъ на видимое, но на невидимое, такъ какъ видимое временно, а невидимое вѣчно (2 посл. къ Кор. IV, 17. 18)¹⁾“. — Не требуется какого-либо особаго вниманія, чтобы убѣдиться въ томъ, что Платонъ подъ видимыми вещами разумѣлъ предметы, открывающіеся чувственному воспріятію, а подъ невидимыми тѣ, которые усматриваются очами духа и постигаются разумомъ. Это созерцалъ уже Павелъ, и желаніе объяввшее его постигнуть вышечувственное настолько было въ немъ сильно, что всѣ свои несчастія и страданія считалъ легкими и не придавалъ имъ никакого значенія. Онъ облегчалъ и успокаивалъ свои страданія такъ, что они казались ему ничтожными по сравненію съ созерцаемыми имъ невидимыми благами. Христіанамъ именовъ великаго Первосвященника Іисуса, Сына Божія, Который благодаря Своей силѣ и мудрости прошелъ чрезъ небеса (1 Евр. IV, 14) и тѣмъ, которые божественныя вещи разсматриваютъ внимательно и въ своемъ поведеніи согласуются съ высшими понятіями, обѣщавъ показать путь къ познанію высшихъ предметовъ, сказавши Своимъ вѣрующимъ: „Я пойду приготовить вамъ мѣсто и приду опять и возьму съ Собой, чтобы и вы были тамъ, гдѣ Я (Іоан. 14, 18)“. Это возбуждаетъ надежду у христіанъ, что они, послѣ того, какъ преодолеютъ всѣ труды и лишенія этой жизни и покончатъ всѣ споры, будутъ возведены къ самому высшему небу и послѣ того, какъ здѣсь изъ источника, дающаго вѣчную жизнь, насладятся струями познанія, двинутся въ то мѣсто, гдѣ вода выше неба (Пс. 184, 4) къ славѣ Божіей. Когда они такимъ образомъ прославятъ Бога, то и круговое движеніе неба не задержитъ ихъ и они безпрепятственно войдутъ къ созерцанію невидимаго Бога и это положеніе будетъ достигаться теперь не посредствомъ познанія Бога и Его дѣлъ, а лицомъ къ лицу (1 Кор. 13, 12)²⁾.

¹⁾ VI, 10—11, 89, 90.

²⁾ VI, 20—11, 90, 91.

Антихристъ ¹⁾. Цельсь обвиняеть христіанъ въ безбожнѣмъ заблужденіи и неумѣннѣ разрѣшать задачу о сатанѣ и антихристѣ, не зная, что давно уже въ книгахъ Моисея, писавшаго ранѣе Гераклита, Ферекида и Гомера, разсказывается о змѣѣ, изъ котораго Ферекидъ создалъ своего *Офіонея, который сталъ виновникомъ паденія перваго* человѣка послѣ того, какъ жена соблазнила обѣщаніемъ стать равнымъ Богу и достигнуть высшаго блаженства; такимъ образомъ и мужъ былъ введенъ въ паденіе. Дѣйствующей силой здѣсь былъ никто иной какъ злой духъ. И тотъ губитель, о которомъ Моисей упоминаеть въ книгѣ Исходъ ²⁾, кто другой, какъ не этотъ противникъ (точнѣе: противолежащій, очевидно въ глубинѣ ада, какъ равноправное Богу существо—Ормуздъ и Ариманъ), который людей, слушающихъ и не противодѣйствующихъ его злобѣ увлекаеть въ погибель? И этотъ же самый врагъ или, какъ онъ называется по еврейски, Азазель является козломъ отпущенія, когда по жребію рѣшалось, что онъ, какъ проклятый за грѣхи народа, изгонялся въ пустыню ³⁾. И что еще болѣе, въ книгѣ Іова, древнѣйшей, чѣмъ книга Моисея, разсказывается, что сатана явился предъ Господомъ и испросилъ повелѣніе у Него подвергнуть этого святого мужа тяжчайшимъ страданіямъ: сначала онъ потерялъ всѣхъ дѣтей и богатство, и потомъ былъ пораженъ ужаснѣйшей проказой (Іовъ 4, 1. 2) ⁴⁾.

Благо бываетъ двухъ родовъ: одно сообщается случайно, другое же по своему существу и природѣ благо. Между тѣмъ въ привтекаемомъ со стороны благѣ никогда не бываетъ недостатка, такъ сказать, животворящаго тѣла, всегда принимаемаго для питанія и поддержанія (Ср. Іоан. VI, 5). И кто забыль, лишается его, и теряетъ тотъ его по собствен-

¹⁾ См. выше Іюль—Августъ стр. 530—533.

²⁾ Исх. 18, 23: „И пойдетъ Господь поражать египтянъ и увидить кровь (пасхальнаго агнца) на перекладинахъ и обоихъ косякахъ и пройдетъ мимо дверей и не допуститъ губителю войти въ домъ.“

³⁾ Левитъ (16, 8: „и броситъ Ааронъ жребій объ обоихъ козлахъ: одинъ по жребію для Господа, другой для отпущенія, а козла, на котораго палъ жребій для отпущенія поставитъ предъ Господомъ, чтобы совершить по нему отпущеніе и послать въ пустыню для очищенія“.

⁴⁾ VI, 43--11, 133. 134.

ной винѣ, такъ какъ онъ животворящій хлѣбъ, содержащій его крылья, и истинное питіе, какимъ онъ долженъ смачивать хлѣбъ, потерялъ. Объ этихъ крыльяхъ премудрый Соломонъ сообщаетъ слѣдующее, когда онъ говоритъ объ истинномъ божествѣ: „устремишь глаза на него, и его уже нѣтъ, потому что онъ сдѣлалъ себѣ крылья и какъ орелъ улетѣлъ къ небу (Прит. Солом. 23, 5)“. Такъ какъ Богъ людей, по злобѣ своей отпавшихъ отъ Него, желалъ воспользоваться этимъ отпаденіемъ въ добрыхъ цѣляхъ, то Онъ указалъ имъ мѣсто въ низшемъ мірѣ, чтобы предоставить имъ возможность борьбы, дабы имѣющіе желаніе спорили и напрягались съ цѣлю достигнуть драгоцѣннаго камня добродѣтели. Такимъ путемъ они очищаются, какъ золото и серебро въ огнѣ и, если они приложатъ трудъ разумную часть своего существа освободить отъ всякой нечистоты, то сдѣлаются достойными достигнуть небесныхъ благъ или, говоря иначе, возвысятся на вершину главы высочайшаго блаженства. Слово „*Satan*“, которое въ греческомъ употребленіи замѣнено „сатаной“ значить противникъ. и всякій, кто порождаетъ грѣхи и ведетъ жизнь, не соответственную добродѣтели, представляетъ собой противника Сына Божія, этой справедливости, истины и мудрости. Но въ первомъ и точномъ смыслѣ противникомъ опознается тотъ, кто среди всѣхъ твореній пользовался наибольшимъ блаженствомъ, потерялъ свои крылья и ниспалъ въ бездну. Объ этомъ говоритъ Іезекіиль: „ты былъ печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты (28, 13). Ты совершенъ былъ въ путяхъ своихъ, пока не нашлось въ тебѣ беззаконія (28, 15). Погубилъ ты свою мудрость и низверженъ былъ на землю для позора (18, 19)“. Вопросъ этотъ заслуживаетъ серьезныхъ изысканій, и пусть внимательный и точный изслѣдователь писаній соберетъ всѣ мысли его, гдѣ говорится о злѣ и его происхожденіи, чтобы правильно обсудить вопросъ, что Цельсъ и его единомышленники подъ вліяніемъ этихъ намѣреній, вызванныхъ ихъ ученіемъ о Сатанѣ, вводили въ соблазнъ многихъ людей и отвратили познанія Бога и Его Слова, или все это ученіе о Сатанѣ Моисея и пророковъ представляетъ собой ничто иное, какъ вызванный фантазіей сонъ ¹⁾.

¹⁾ VI, 44—II, 144. 115.

Оригенъ желаетъ сказать еще кое-что объ антихристѣ, такъ какъ Цельсѣ, по всей вѣроятности, читаль о немъ то, что сказано Даніиломъ, написано ап. Павломъ и провозвѣщено Спасителемъ въ Его евангеліи. Какъ мало выражений лица людей похожи одно на другое, также мало подобны и ихъ сердца, и отсюда происходитъ то, что ни любящіе добродѣтель въ отношеніи къ ихъ сердцу не сходны между собою, такъ какъ они не все равно преуспѣвають въ добрѣ, и не все по однимъ и тѣмъ же предписаніямъ поступаютъ; съ другой стороны и живущіе въ порокахъ и грѣхахъ, одни поступаютъ злѣе и отвратительнѣе, чѣмъ другіе. Отсюда слѣдуетъ—это неопровержимо и должно только объ этомъ удивляться, что среди людей даны двѣ высочайшихъ вершины: вершина добра и вершина зла. Богъ по своему предвѣденію предвидитъ все, что касается этихъ двухъ исключительныхъ направленій въ человѣчествѣ, и потому чрезъ пророковъ далъ вѣсти людямъ, чтобы они могли понимать пророковъ, слѣдовать добру и оберегаться отъ зла. Существуютъ два великихъ образца образецъ добраго, по всей справедливости долженствующій имѣть преимущество—Сынъ Божій, другой образецъ противоположенъ первому,—это сынъ злого духа, сатана, называемый діаволомъ, и такъ злое выступаетъ по видамъ того же добра, то отсюда можно заключить, что зло сильно возрастаетъ и достигнетъ высшей вершины, и тогда эта злая сила это порожденіе сатаны придетъ со всеми своими властными силами, знаменіями и чудесами по дѣйствію сатана. своего отца. Помощь, какую доставить имъ сатаны превзойдетъ всю силу, какую злые духи ослѣпляютъ и обращаютъ къ себѣ людей (ср. 2 Тесс. 2, 9) Св. Павелъ объ этомъ антихристѣ совершенно открыто и ясно говоритъ, какого онъ рода, въ какое время и по какимъ причинамъ придетъ въ міръ. Пусть слѣдятъ его по его собственнымъ словамъ. говорилъ-ли онъ здѣсь очень внушительнымъ и разумнымъ образомъ или его слова заслуживаютъ только насмѣшки? VI, 45, II, 115, 116.

Ученіе христіанъ о вѣчномъ блаженствѣ. Цельсѣ не знаетъ о томъ, что Моисей, жившій еще до изобрѣтенія буквъ,

¹⁾ Мысль Оригена та, что ученіе о злыхъ духахъ и ихъ паденіи составляетъ собой сокрытую и тайную мудрость, которая не можетъ быть раскрыта простому народу. Mosh. Am. 678 s.

исполняющимъ его законы обѣщаль землю, текущую молокомъ и медомъ (Исх. III, 8). Эта добрая земля лежитъ не на іудейской землѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, такъ какъ эта земля съ самаго начала проклята вслѣдствіе грѣха Адама, но не смотря на эти грѣхи и проклятія древнѣйшіе пророки воспѣвали эту радостную землю: „Великъ Господь и всехваленъ во градѣ Бога нашего, на святой горѣ Его! Прекрасная возвышенность, радость земли городъ Сіонъ, на сѣверной сторонѣ его городъ великаго Царя (Пс. 42, 43) и было въ Іерусалимѣ жилище Его и пребываетъ Онъ въ Сіонѣ“; однако не всѣ наслѣдуютъ это святое мѣсто: дѣлающіе беззаконіе истребятся, лишь уповающіе на Господа наслѣдуютъ святое мѣсто (Пс. 34, 2). Думается мнѣ, говоритъ Оригенъ, что Платонъ, описывающій рай, какъ мѣсто украшенное драгоценными камнями, блескъ, которыхъ отражался на стѣнахъ, заимствовалъ этотъ рассказъ изъ пророка Исаи: и положу камни твои на рубинѣ и сдѣлаю основаніе его изъ сапфира, окна изъ рубиновъ, ворота—изъ жемчужинъ и ограду изъ драгоценныхъ камней (54, 16 12). Разъясняющіе рассказы Платона и стремящіеся доказать въ нихъ нѣчто достойное уваженія, относительно пророчества стараются изслѣдовать, что Платонъ могъ бы заимствовать отъ нихъ. Сродные пророкамъ люди проводятъ божественную жизнь, каждый день предаваясь изслѣдованію священныхъ книгъ, проявляя себя, какъ людей, способныхъ чрезъ свою жизнь достигнуть чистоты и божественной любознательности ¹⁾, Христиане же настаиваютъ на томъ, что ни Платонъ, ни другіе греки не были учителями въ ученіи ихъ о будущей земной жизни, напротивъ, вѣроятнѣе предположить, что они читали священныя книги евреевъ, не точно поняли сказанное такъ не ясно и темно и прямо заимствовали изъ нихъ свое ученіе о блаженной землѣ и, хотя не такъ удачно, повторили ее. Пророкъ Аггей отличаетъ „сушу и землю“ и называетъ землю, на которой живутъ люди „сушей“ и онъ еще немало присоединяетъ къ этому говоря: потрясу небо, море и сушу (Аггей, 2, 63, I). Платонъ въ Фѣдонѣ проводитъ ту мысль, что люди, по своей слабости, лишь съ большимъ трудомъ возвышаются въ страну благъ. Оригенъ опять ссылается на мѣста св. Писанія, говорящія о свѣтлой землѣ, но матеріаль у него уже доста-

¹⁾ VII, 30—IV, 181.

точно истощился и онъ въ главномъ и общемъ довольствуется упоминаніемъ объ „истинномъ свѣтѣ на святомъ ученіи (2 Іоаннѣ): праздникъ небесный (Евр. 9), прославление Навуходоносоромъ Царя небеснаго (Дан. 4, 34), даже цитры, гусли, вино и пиршества... а о дѣлѣ Господнѣ забыли. *Вопросъ о вѣчныхъ мученіяхъ* ¹⁾—Христіане не считаютъ тѣло самой благородной и цѣнной частью своего тѣлеснаго состава и утверждаютъ что душа представляетъ собою самую благородную и наиболѣе цѣнную часть ихъ, они не вѣрятъ, что Богъ есть тѣло и не придаютъ никакого значенія ученикамъ Хризиппа и Зенона ²⁾. Удовлетвореніе тѣла Цельсъ считаетъ единственною цѣлью того блаженнаго состоянія, къ какому христіане направляютъ свои желанія, но если желаніе само по себѣ не худо и не добро, то христіане переносятъ свои желанія на предметы, обѣщанные Богомъ; „такъ, если они надѣются на воскресеніе праведныхъ, то впадаютъ во внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны они говорятъ о блаженствѣ тѣла, хотя оно сдѣлано было достойно, чтобы Богъ оказывалъ ему честь, съ другой стороны, что это же самое тѣло, какъ нѣчто недостойное и презрительное будетъ подвергнуто всѣмъ родамъ мученій и наказаній (Цельсъ.)—но кто страдаетъ изъ любви къ Богу и наказаніе и мученичество считаетъ своею добродѣтелью, развѣ можно усматривать здѣсь что-нибудь дурное и ничего не имѣющее въ себѣ достойнаго. Такъ учитъ писаніе, когда оно говоритъ: „кто боится Бога, тотъ пребываетъ въ чести, кто же нарушитъ заповѣди Его, то подвергнется вреду (Сир. X, 3)“.

Цельсъ думаетъ, что христіане не заслуживаютъ и того, чтобы говорить съ ними о такихъ важныхъ предметахъ: Общительность христіанъ не ограничивается только необузданными и неразумными людьми; Творецъ создалъ всѣхъ людей, чтобы они со всѣми людьми поддерживали общеніе. Поэтому, справедливо и заслуживаетъ одобренія, что христіане находятся въ постоянномъ общеніи со всѣмъ челоувѣчествомъ, окружающимъ ихъ, и въ своемъ общеніи дѣлаютъ его мудрымъ и болѣе нравственнымъ ³⁾.

А. Спаскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ Соответственные мѣста у Платона с. Раедо V, 49 1 p. 86. 87 ex recens. Hinsig.

²⁾ VIII, 45, 50—11, 262—264.

³⁾ Ср. Бог. Вѣст. Июль—Авг. 1912 стр. 633.